Индия 1987. Путевые записки советской туристки. [с фотографиями]

Светлана Кузнецова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С сайта http://biblio.india.ru/open.php?category=prose&f=india_1987_1

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7

Глава 1

Когда берёшь в руки книгу или читаешь журнал, где напечатаны чьи-либо впечатления об Индии, первым делом натыкаешься на слова, подобные таким: "Индия-сказка...", "Я всю жизнь мечтала бы поехать в Индию..." или... "Индия — древнейшая страна на юго-востоке Азии". Или что-то подобное этому.

Вот чего не могу сказать о себе, так то, что "мечтала, хотела". Признаюсь, года три назад, я твёрдо была убеждена в необходимости поехать в Венгрию. А как же! Наверное, каждый советский турист после первой своей поездки за рубеж (я побывала в ГДР), твердо решает поехать еще раз. И уж в этот раз быть умнее, внимательнее и сообразительнее. Кроме того, не хотелось быть в положении людей, которые "такой другой страны не знают…" потому, что ни в какой другой стране кроме нашей не были.

Но Венгрия не состоялась, не буду вдаваться в подробности, отчего. Случилось другое — двое с нашей работы возвратились из Индии. Это были они и… не они? Томные периодически закатываемые глаза, вздохи, охи, и ещё, что, видимо, поражало больше всего, лоск да привычка быть в центре внимания, быть почитаемыми и уважаемыми, быть лучше остальных, чего всегда не хватает обычному советскому человеку.

Рассказы лились рекой. Мы глотали слюну, вздыхали и охали, поражались и не верили и… требовали продолжения. И незаметно, само по себе, появилось где-то в глубине, где ещё дремала почти забытая Венгрия, появилось другое слово из пяти букв. Но и их вытесняло, неудержимо лезло вперёд ещё одно — "Хочу!!!".

И вот созрело — "Я хочу в Индию!". Не думая ни о сложностях, ни о преградах я рванула к знакомой Таньке Савиной, — как же, с ней мы были в дружественной стране ГДР и с ней же хотели дёрнуть в Венгрию. "Танька — кричала я — Танька, ты представляешь?.." Я была неудержима, как солдат, бросающийся под танк. Я бросилась в неведомую страну и прекрасные сказки о ней. Все, Едем!

Я не буду пересказывать все мытарства, связанные с оформлением бумаг — почти все столкнулись с этим. Но если до сих пор я лишь понаслышке знала о страшной бюрократии, то в данном случае, наверно, столкнулась с её отъявленными представителями. И вот трёхчасовое собеседование позади, "подарки" друзьям-индийцам куплены, и я сижу на чемодане,

взятом напрокат у подруги. Конечно, с обещанием вернуть его в наклейках заморских отелей. О "подарках" можно поговорить и отдельно. Как известно, советские люди должны бывать за рубежом нашей Родины с единственной целью — познавать и окультуриваться, а всякие там чудеса их техники, галантереи и др. нам ни к чему, у нас и так всё есть! Поэтому поменяем-ка мы им по 60 долларов на рыло – на кофе хватит. Но мы тоже не лыком шиты, и расспросив там да сям, поняли, что недостаток валюты можно компенсировать натуральным обменом – "ченжем". В стандартный набор вошли популярные в Индии товары: "Советское шампанское" — 2 бутылки, часы механические женские – 1 шт., мыло туалетное – 15 кусков, сигареты "Космос" и болгарские – 15 пачек, одеколон тройной – 1 флакон, дезодорант-1, утюг электрический – 1.

Кто-то встречается под часами, кто-то у памятника Пушкину, мы же выбрали самое представительное место на Московском вокзале — бюст Ленина. Не всё же иностранцам, гогочущим и орущим, толпиться у "святая святых"; и мы постояли..., правда, молча, углублённые в себя. Если говорить серьёзно, не только прощанье с Родиной нас не пугало (нас ни чем не запугаешь!), пугала ГРУППА, а именно состав её участников и старшой, думаю из органов. Я с тоской и страхом оглядывала всех подходящих: боже мой, возраст мамы и папы, некоторые вполне могли быть бабушками. У них был опыт поездок — неизменный багаж, не говоря уже о багаже в прямом смысле. Что мой чемодан-кроха, пушинка рядом с огромными сундуками на колёсах, для верности перетянутыми ремнями. Кратко-нервные усмешки, суета и… всегда обязательное для советских туристов: "Товарищи, а сейчас разобьёмся на четвёрки по купе". Моя знакомая Савина была на зависть спокойна. Она едет со мной, а я при ней. И тут случилось странное. Купе рвали нас на части: "Девочки, к нам", "нет, к нам". Мы же пунцово красные, не отдавали предпочтения никому. Пусть нас выберет лучший! И выбрали. Две тётки, которые представились Маргаритой и Нелечкой . Вместе им было уже за сотню, но от отчества они воздержались. Меня била крупная дрожь, руки неприятно вспотели, а тело, избитое подарками "друзьям", требовало горизонтального положения и чуть-чуть "никотина".

В тамбуре мы дымили вчетвером. Я, Савина и еще две особы, которые придётся описать, так как им предстоит сопровождать меня в самолётах, восхождениях и не больших, но весьма пикантных приключениях. Так вот, первая — Нина, медсестра, на хорошем счету, морально устойчива, хотя и разведена с мужем Константином 4 года назад, 32-33 года, приятной наружности,

хотя имеется некоторый минус — волосы выкрашены перекисью и отсутствует натуральный зуб, (заменён золотым). Нина в меру эрудированна, смешлива и понятлива. Валя — отчество неизвестно, чем занимается тоже, но работает в каком-то институте с невообразимым набором заглавных букв (наверное, очень нужным стране), которые не запомнить никогда; замужем, имеет сына-школьника и свекровь в одной квартире, 39 лет, не умна, не начитана, не кокетлива, но смешлива и очень добра.

Перекур был истеричным. Отрывочные сведения друг о друге, ирония по поводу некурящей части группы — "им-то какое дело", треволнения, связанные с поездкой и прочая дерготня. В изнеможении я упала на вторую полку и под бесконечные вопросы о ценах на кожи и драгоценные камни уснула . Первая ночь промчалась от Ленинграда до Москвы быстро, прохладно и бесшумно.

Глава 2

Московское утро нельзя было назвать приятным. Опять болел желудок! Будь ты проклят, проклятый мешок с остатками вчерашней пищи. Я уговаривала себя, заставляла забыть то место, где он находиться, но он властно требовал к себе внимания.

Москва еще только начала протирать глаза, когда нас согнали в автобус, и улыбающийся, хитрый до не приличия, Старший группы объявил: " Товарищи! Маленькие изменения в нашей программе. Вначале мы летим в Париж, затем во Франкфурт-на-Майне, а уж потом в Дели". Кто ж тебе поверит, старшой, что мы можем оказаться в Париже через какие-то 4 часа?! Это ж не Тамбов! Группа дружно и весело рассмеялась. А он не шутил. Это была правда – чартерный рейс. Но Париж Парижем, а перед нами Шереметьево — II, таможня, граница, "ничья территория". Вы бывали в Шереметьево — II, товарищ? Нет? Ну, как же, как же, ещё года 3-4 назад вы бывали в нём один раз в сутки обязательно, а иногда (когда очень везло) и дважды. Регулярно в программе "Время" Вы встречали правительственные делегации из республик Мозамбик, Перу, Берега Слоновой Кости (не знаю, республика ли?) и, конечно, других дружественных нам немногочисленных племён.

Но ни вам, ни мне никогда не удавалось увидеть чудо техники XX века-двери в аэропорту. И додумался же кто-то до этого. Мы смеялись и шалили как дети, подбегали к двери, она открылась, но мы не шли внутрь, а ждали, когда она, пугая нас, закроется. Я раз пять вбегала, развивая отличную скорость, не боясь, что она на меня вовремя не среагирует: здесь бояться нечего — всё для гостей столицы, всё отлично. Множество чудес поджидало нас за каждым углом, вернее на каждом метре этого прекрасного здания, как говориться, из стекла и бетона. Тележки, на которых везут багаж, ослепительные девушки в кожаных штанах с мегафонами, стерильные туалеты даже с туалетной бумагой (!) приятный голос диктора... и, конечно, объявления: "Леди энд джентльмены…". Одним словом, самолет Нью-Йорк-Токио — Париж совершил посадку в городе-герое Москве.

А тем временем мои руки лихорадочно заполняли декларацию: "нет", "не имею", "не была", — прописью, и руки же упаковывали куртку в багаж (летим-то, всё же в Индию, хоть с залётом в Париж), мозги шевелились от усилий, как бы не вписать в опись вещей что-то лишнее.

Таможней пугали, таможню я боюсь по прошлой поездке, хотя не везла и не везу ничего лишнего, но эта таможня и ее

начальник превзошли все ожидания. Страх вначале сковал наши тела, кровь заледенела и перестала струиться по жилам, ноги похолодели. Таможенник отбирал всё!!! Все подарки индусам: и детям, и взрослым. Гора мыла, кипятильников и электробритв росла, рядом стояла шеренга советского шампанского и "тройного" одеколона. Мой шкурнический интерес проснулся в числе первых. Кровь побежала, ноги, хотя и держали плохо, все же прихрамывая, побежали в другую очередь на осмотр. И всё равно таможенник записал в декларацию утюг. Что ж, не судьба оказалась индуске выгладить любимому мужу белые дхотти (штаны) именно моим утюгом. А жаль! Пять минут смотрел на меня молодой здоровый парень — пограничник. Я нервничала: " Дурак ты, дурак, что смотришь, неужели не похожа?". "Счастливого пути"- сказал он. "А тебе остаться тут",- подумала я. Нет больше в руках чемодана, нет беспокойств,- немножко пива в "ничейном" буфете, чуть "никотина", что-то вольное появилось в моем поведении: "Почему я не птица, почему не летаю..." И объявили посадку "Боинг"-747 "...вылетающий рейсом 545 по маршруту Москва-Париж".

"Боинг" не "ТУ", не "ЯК", не тем более "кукурузник", на котором мне довелось летать чаще, чем на остальных белых красавцах. "Боинг" — это "Боинг". Стюардесса с золотым крылышком, команда сплошь из подтянутых, но толстоватых молодцов. "Индийские авиалинии". Кресло, салоны, а мы как в темном лесу. Хорошо хоть не бросили, довели с улыбкой до моего места, не то до Парижа бы искала. В ручки кресел вмонтированы наушники, и передают целых две программы – эстраду и классику, прохладительные напитки бесплатно и сколько хочешь, можно курить. К нам вышел командир корабля и представил стюардесс по именам.

Одним словом, мы уже явно не дома.

Днем самолет, заходя на посадку в Париж, делал какой-то маневр, и в иллюминатор я узрела Эйфелеву башню, маленькую, полузакрытую пеленой облаков, но настоящую и живую. Ну вот, подумала я, и во Франции побывала…

Где-то вечером после того, как нам показали кинофильм, чудо-лайнер успешно приземлился во Франкфурте-на-Майне. Всех пассажиров согнали в стеклянный павильон очень похожий на большой аквариум. Делать было нечего: кто просто слонялся, кто просто сидел, а один индус тут же расстелил маленький коврик и предался молитве. Савина мрачно изрекла: "Ну вот, началось…". Индия все ближе и ближе.

Когда нас вновь загрузили в самолет, мы с удивлением обнаружили, что экипаж сменился, и новые стюардессы с

жалостью и сочувствием посматривают на нас – русских, для которых путь из Москвы в Дели составит 23 часа. Может, они думают, что мы сами это выбрали? Или, что мы страдаем? Не то, и не другое.

Рядом со мной присели индианки – мать и взрослая дочь. Обе достали какие-то сигареты и, оживленно переговариваясь, закурили. Не долго думая, я тоже вытащила пачку "Космоса", мол, смотрите, "итит твою мать", чай мы тоже не из деревни. Они с удивлением покосились на меня и что-то спросили. Поняла только одно – спрашивают про сигареты — таких не видели. "Плиз", говорю и протягиваю им пачку. Мать решила попробовать, затянулась…: "О-о-о!". Значит ничего, оценила. Я: " "Космос", Советский Союз!!!". Она: "Moskow?". Я: "Ноу, Ленинград". На лицах откровенное удивление, интересно, знают ли они где это. Дальше разговор приостановился — мой словарный запас был исчерпан, и некоторое время поулыбавшись друг другу мы разошлись, вернее они вернулись на свои места.

Глава 3

Сколько раз я вспоминала, переживала и рассказывала знакомым и друзьям о первом глотке индийского воздуха, и все де не смогла передать его! Поистине, нужно глотнуть самому.

Во-первых, такое ощущение, что воздуха просто нет! В самолете +20, а через несколько шагов на трапе уже +40. Первый шаг из здания и ты, что рыба, выброшенная на берег. Ты оглушен, поражен, и не с чем сравнить-то, что пытаешься протолкнуть в легкие и воздух, и то, что видишь. Женщины в сари, мужчины в полувоенных френчах, европейцы, праздно шатающиеся по аэропорту. Паспортный контроль. Ох, как трудно заполнить талончик со своей фамилией на английском, а учила-то 5 лет! Мы тоже ощутили себя иностранцами. А как же! Хоть и с опаской, но все же взяли по тележке, водрузили чемоданы и... покатили, как говориться, на встречу неизвестному.

Суета, хаос и неразбериха. Людей так много! Кажется, весь их город собрали и заставили ходить, лежать и пробираться к нам. Крики, шум, толкотня, выхлопные газы, запахи, которым нет названия — все окружает меня, и я теряюсь, не знаю, как вести себя дальше. Хорошо, старшой призывно машет рукой. Дескать, все ко мне. Нет, нам русским, без поводыря нельзя. Вот и наш автобус — двое улыбающихся шофера возле ступенек в салон. Каждому при входе вешают гирлянду из живых цветов. Я начинаю теребить, проверяя — живые ли?

Автобусный "кондишен" чувствуется сразу. Прихожу в себя. Едем. За час поездки до отеля у меня начинает поскрипывать шея от постоянных круговых движений головой. Решительно не хочу ничего пропустить. Выжженные, жёлтые поля (боже мой, неужели на них что-то взойдёт?). Коровы, горбатые и мосластые, бредут печально по обочине. Как-то даже не по себе становиться от их грусти, может, они хотят быть чьими-то? Кроме человека их святость никому и не нужна. Лавки, лавчонки, лавчужки, общественные туалеты в полях, на обочинах. Въехали в город. Здесь совсем страшно человеку, привыкшему к порядку. Ни тебе светофоров, ни ГАИ. Миллионы мотороллеров, и как же они помещаются здесь все сразу? Чёрные треугольники на номерах — призыв к сокращению рождаемости. В глазах у меня начинает рябить. Господи, скорее бы довезли до гостиницы: пить и лечь. Вот наконец-то и он – большой и белый, утопающий в неправдоподобной зелени отель "Канишка".

Переводчица скоренько объявляет программу сегодняшнего дня, разбиться на пары получить ключи от номеров. Ключ был с

тяжёлым брелком, приятно оттягивающим руку. Группа, организованно начертав на своей поклаже трехзначную цифру, так же организованно бросилась к одному из лифтов. Я, заботливо пропуская старших и одновременно придерживая Савину, бросающуюся на лифт первой, как на амбразуру, не успела впрыгнуть в зеркально-ковровую кабину. В душе чертыхнувшись и подождав минут пять следующий лифт, я с плохо скрываемым интересом оглядывала холл, по которому предстояло ходить, по крайней мере, ещё несколько дней. Рояль, застекленные лавки, кафе, стойка; пальм и фикусов в горшках нет, так как они произрастают живьём на воздухе.

Мы довольно долго плутали по затемнённому коридору, отыскивая свой номер... Мать честная!... впечатление… Эх, если бы нас в Союзе перед поездкой учили ещё и правилам пользования светом, водой, телевизором... десять минут освоения дали столь жалкие результаты, что, отчаявшись, я решила заняться этим вечером, после экскурсии. Так как в Союзе нам все уши прожужжали про жуткие индийские микробы, то вот, как в армии: Савина — в душ, я — кипятить воду и сливать в термос (запас в карман не тянет), я в душ, она продолжает кипятить. Второпях намылила голову первым, что подвернулось под руку в ванной. Какой странный шампунь?! Зову Савину. Вместе с трудом разобрались, что это стиральный порошок.

Всё время сверлила мысль: вот сейчас постучат индусы с нашими чемоданами, и... придется как-то общаться. Стук. Я бросилась умолять Савину расплатиться с ними: "Тань, ради бога, в первый и последний раз. Возьми мои сигареты..." Зашли двое поставили у столика и поворотились к Савиной; я "дремала", оставив щёлку глаз. Савина с жалкой улыбкой протянула каждому по пачке — а они не уходят... Ну, конечно, они ж не дураки, они поняли, что Савина мягкотелая и жалостливая, с неё можно вытянуть и побольше. " Дай ещё одну, и пусть уходят"- гневно приказала я "проснувшись", и указала дрожащей рукой на дверь.

Чемоданы раскрыты, внутренности вывернуты, часть "ченжа" (обмена) засунута в сумки. Сейчас срочно получить деньги у старшого (по 1200 рупий, положенных нашим государством на развлечения туристов), обедать и на первую в Индии экскурсию. Ресторан поразил сразу. Робость неуверенность в себе были непреодолимы. Ещё бы, увидеть такое великолепие! Стол извивался змеёй, пугал огромными блюдами, диковинными латками со спиртовками под ними; удивительные запахи витали над столом, кружа голову и вызывая лёгкую тошноту. С опаской я взяла что-то из овощей. Вкус у них был не наш. А в остальном всё

было похоже, те же ощущения как у нашей восточной кухни — жжёт в глотке так, что не запить ни чем, как будто повар набросал приправ как минимум вдвое больше, чем нужно.

Двухметровый швейцар-сикх открыл передо мной дверь и я, не зная как вести себя с ним, потупилась, затянувшись сигаретой, двинулась к автобусу. Первая экскурсия, как и везде, началась со знакомства с гидом. Коренастый, с надорванными брючными карманами, в несвежей рубашке Ракеш производил довольно странное впечатление. Неужели у них вся такая интеллигенция? Русский язык далеко не блестящий.

Обзорная экскурсия по городу. Мемориал Махатмы Ганди, дом-музей Индиры Ганди.

Нищета, грязь, отсутствие жилья и работы, огромное количество детей, моторикш и попрошаек. На перекрёстках дорог груды мешков с песком…, автомашины, патрули. Накануне были выступления против правительства. Нет, это не дома за чашечкой чая одним глазом смотреть "Время". Всё правда, она рядом и даже существует вероятность стать очевидцем каких-либо событий. Ну, хватит политических инсинуаций. Я в Индии, передо мной минареты, храмы и, если захочу, могу потрогать их рукой. Мокрая от пота, оглядываюсь и с радостью замечаю, что не одна я. Савина плывёт, Валентина сидит на ступеньках с каплями на подбородке.

Сейчас мы едем к гигантскому минарету — Кутуб Минару. Уличные торговцы, зазывалы, продавцы "проспектов" окружают плотным кольцом. Я с боем и неизменным "ноу" продираюсь сквозь них. Жара, жара, жара. Нет тени, нет спасения, да и тень прохлады не приносит, впереди Красный Форт. Все из русских, побывавшие в Индии, не миновали эту грандиозную крепость.

Огромные, наклонные стены из красного песчаника появились, будто на экране телевизора. В нём нет храмов. Есть что-то вроде русских палат, есть безупречно подстриженная трава, продавцы воды. А дальше торговая улица крепости. Нет, здесь не потеряешься — здесь ослепнешь, режет глаза от золота, драгоценных камней и украшений, неизвестно из чего.

А 1200 рупий жгут карман. Один час на все лавки. И первая, конечно, "Хусейн". Вот и сам хозяин: толстый, сытый, грязноватый, с приклеенной улыбкой. Мы бросились к прилавкам, как голодные к котелку с едой. Нет силы, способной остановить русского туриста, и начался торг. Бирюза — пять кусков мыла...: " Мало мадам", гранат — пять кусков: " Очень мало..." Оставив надежду пробраться к прилавку, мне ничего не оставалась делать, как наблюдать за группой. Пожалуй, только пятеро не принимали активного участия в купле-продаже и

примерке кожаных вещей. Старшой с переводчицей немного брезгливо стояли в стороне (они-то своё возьмут!!!), Валька не могла " столь низко пасть " в первый день; мне было не пробраться да, честно говоря, я и не знала толком, чего мне надо; старенькая тетенька Наташа, стоя у косяка, собирала силы для робкого штурма; да Виктор — летчик, начисто отвергающий всякую толкотню, ажиотаж и шум-гам вокруг мелочей жизни.

Я с трудом выбралась из лавчонки, заполненной потными советскими туристами и, не сделав и трех шагов, попала в "парную" другой лавки. Здесь попроще, да и наших поменьше, но они торгуются еще ожесточенней. Это "Павловны" — две подружки лет 45-и. Они на это способные — сразу бросаются в глаза. Не успела я и сориентироваться, как приказчик набросил мне на шею нефритовую нитку. Я робко пыталась доказать, что мне не надо "этого". "Но, мадам, хорошо, тебе хорошо", цокая языком и одновременно поглаживая по нижней части спины. Пришлось взять. "Павловны" шипели: "От тебя не убудет, бери еще что-нибудь" и, взяв еще две нитки, я выбралась из лавки все на тоже пекло.

Кажется, что воздуха нет совсем, марево колыхалось, не давало рассмотреть что-то и в пяти метрах. Спроси, как меня зовут, и я не сразу отвечу. Мозги начали плавиться, а с ними и шоколад "Аленка", зачем-то засунутый в сумку. "Черт, перепачкала всё", — я осторожно достала и положила обертку с жидкой текущей массой на плиту.

Вскоре возникла замученная, мокрая, но счастливая Савина с тюком под мышкой.

— Что это?

— Я пальто купила (в глазах блеск удачливого охотника).

— Тань, ты его мерила?

Ага... В номере рассмотрю — жарко.

Мимо нас гордо, ничего не видя перед собой, шел тощий индус, неся капающий шоколад "Аленка". Нам стало смешно. Вряд ли он понимал — что это, но знал твердо — съедобно.

Казалось, сними я рубашку, сними все, что есть на мне, и легче не станет. Только душ и чай могут спасти. А группа все не шла, продолжая торговаться.

Рваные картинки событий в ожидании группы.

Выделив меня из толпы, заковылял инвалид — мальчик лет 10-и, без ноги, с торчащей костью. Бежать было некуда, и я сделала "страшное" лицо (мол, ни денег, ни "ченжа" ничего нет), но он — то, видно, видел и пострашнее. Демонстрирует какой-то блокнот в руке: на нем пишешь, закрываешь, и надпись исчезает. "А, куплю",- подумала я.

— Сколько?

— Ван сигарет.

Одна сигарета, что ж, цена подходящая. Но, как только он почувствовал ее в своей ладони, так неожиданно быстро исчезли и блокнот, и сам нахальный инвалид.

У края дороги на траве стоит немолодой индус. Рядом у ног змея в лукошке. За кусок мыла хозяин-заклинатель позволял заснять кормилицу, но мыла не было с собой. И черт с ней! "Индия большая, змей много и твоя не последняя", — равнодушно подумала я.

Господи, наконец, пришли все, автобус тронулся. До отеля не смолкали крики, переходили из рук в руки купленные вещи. Друг у друга вырывали удачные покупки. Приехали.

Савина на ужин спуститься не смогла...

— Отстань, тошнит меня от пищи, я "полежу".

"Ну и хрен с тобой",- подумала я. Аппетита не было, тем более то, что я взяла, было неизвестно из чего. Не ясно мясо или овощи, или рыба. Только "кола" радовала глаз.

Первый день в Дели — он был бесконечен.

Нет нам покоя и после ужина: экскурсия в дом "среднего достатка". Хочешь, не хочешь, а ехать придется, в номере не оставят — кругом агенты спецслужб (!!!), которые только и ждут, как бы завербовать советского туриста. Я, матерясь в душе, что не успела принять душ и спокойно полежать перед телевизором с сигаретой и Савина, чертыхаясь из-за ужасной жары, — поднялись и пошли к выходу.

У автобуса, изрядно поредев, стояла кучка наших. За остальными пошел старший с каменным лицом. А как же! Порядок должен быть везде! Собрали всех, расселились и погрузились в темноту индийского вечера. Темнота не была совсем черной, а казалась фиолетово-серой от дымков спиртовок, на которых нищенки жарили кукурузу, а также от тускло освещенных, совсем маленьких лавчонок с продуктами. И даже очень яркие звезды не искрились в темном небе, казались мутными и близкими. Шум города стих, только шорох шин, сигналы автобусов и моторикш изредка нарушали тишину.

Вечерняя жизнь города мало, чем отличалась от дневной, пожалуй, было больше личного, семейного. Крошечные навесы создавали видимость домов, под ними копошились члены семейства. На маленьком, просто игрушечном костерке жарилась лепешка. Тут же что-то ели, ругались. В придорожных канавах мылись, стирали, черпали воду для дома , справляли нужду. Стен нет, ни от кого скрывать свои секреты, да их и нет.

Доехали быстро. Вышли из автобуса в кромешной темноте

рядом с центром, но ни одного фонаря нет. Огромное количество собак — штук 20 и, на удивление, все одинаковые, наверно, родственники.

Дом "среднего достатка" выступил из темноты, чем-то, напоминая большую коробку из-под апельсинов. Серый, невысокий, двухэтажный, с узкими бойницами вместо окон, причем расположенных, казалось бы, без всякой системы.

Каменные ступени очень крутой лестницы вели наверх, где из дверей выглядывали лица владельцев. Нас привели в "шикарно" обставленную комнату с телевизором 60-х годов и холодильником, чем-то похожим на комод, шкафом и диваном без обивки. Расселились кто куда: для 32-х человек комната явно была маловата. Хозяин, индус лет 32-33, встал в центр комнаты и коротко рассказал о себе и семье. Они относятся к одной из высших каст — брахманы. Все, или почти все, члены касты учатся в частных школах, а затем получают места чиновников в департаментах, правительстве. В доме этом живут три семьи. Бабушка — соратница Индиры Ганди, совсем старая, седая старуха — поулыбалась нам в проем двери; он сам — служащий фирмы, которая обслуживает нас, и его брат чиновник. Все живут с семьями, детьми. Он считает, что семьи обеспечены — у каждой семьи есть мотороллер. Сидели при свечах, так как электричество, в целях экономии, отключили, "кондишена" нет, а вентилятор не работает. Я, притулившись на спинке дивана, исходила потом. Подали чай, "хворост" и печенье. С трудом выпили, посмотрели домашний концерт. Каждого грызет вопрос: "Когда же увезут назад в отель?". И, когда наконец-то это случилось, ноги уже не шли, а у отеля одна из нас, самая слабая, не выдержала — стала падать на кактусы. Руки друга были подставлены вовремя — беду удалось предотвратить: распростертое тело безжизненно висело на вытянутых руках могучего атлета — Сергея Васильевича.

В номере мы с Савиной упали на огромные кровати и забылись на пару минут. И вдруг, второе дыхание — телевизор! И что бы по нему не показывали — всё нравилось (совсем не наше телевидение). Душ, чай, перекур и конечно, первые гости с обменом впечатлений. За окном, в лучах прожекторов, искрились минареты, воздух буквально стоял, и порой казалось, что этого не может быть.

Ну, разве могу я всё это видеть?

Глава 4

Второй день начался с суматохи, будильника-то нет! Хорошо разбудили добрые люди. После завтрака сразу же в автобус и на экскурсию в центр Дели, к президентскому дворцу. Не успели отдохнуть, как вторая экскурсия — в школу. Как приехали, тут же стайка лучших учеников частной школы имени "кого-то" окружила нас и навесила нам на шеи по венку — мы уже привыкли к ним. Честно говоря, мне совсем не хотелось провести три часа в школе, но дисциплина в группе, прежде всего.

Коричневые брюки и рубашки, коричневые гольфы, зелёные галстуки, табличка с фотографией и именем — форма учащихся. Расточая направо и налево доброжелательность, проявляя доходящую до абсурда заинтересованность, я продвигалась по зданиям, из кабинета в кабинет.

Урок рисования у пятиклашек.

Ах, какая прекрасная девочка (!), какой рисунок(!) — вот тебе значок от доброй тёти. Умудрилась влезть в класс на экзамен по рисованию — отступать было некуда. Я склонилась над листом девушки, у которой от напряжения и страха выступили капли пота. Польщённый преподаватель тут же вручил мне альбом лучших работ. Ну вот, вляпалась. Первой заходить в кабинеты уже не рисковала. Хотелось курить, но что-то подсказывало мне — нельзя. А тётки наши, сердобольные, как назло, застряли, одаривая детей конфетами, значками и ещё бог знает чем. Встреча близилась к концу, осталась официальная часть — выпить по бутылке "колы" и задать дома подготовленные вопросы ректору. Вопросы заданы, наконец, вода выпита и мы, смахивая слёзы, навернувшиеся на глаза от жалости к себе, и, конечно, от прощания с "новыми маленькими друзьями", спешим в автобус. Расселись по местам и тут же прилипли к окнам — автобус просто окружен сплошным кольцом детей! Окна открыты, и сцена прощения продолжается. У своего окна вижу чуть полноватого мальчика лет 13-14-ти с почему-то знакомым лицом, который, не останавливаясь, что-то быстро говорит мне. Понять ничего не могу, хотя в школе и учила английский. Не отвечать как-то неловко. Черт! Собираю все знания вместе и не без труда выдаю: "Бомбей — тумороу", в смысле завтра. Вроде понял.

Однако, к делу. 1200 рупий продолжают жечь грудь, чувствую, что больше не могу носить такую сумму — срочно в лавку.

"Шегун" — конкурент "Хусейна" и полная его

противоположность. Высокий, стройный, безукоризненно одетый и суровый. Обработали меня чрезвычайно быстро,- пальто не видела, а себя в нём тем более, но на 750 рупий стало меньше. Наглец — приказчик молниеносным движением выхватил из моего нагрудного кармана ручку и, ослепительно улыбаясь, крикнул: "Презент, мадам". С чего я взяла, что должно быть наоборот? Задача № 1 выполнена. Я, скользкая от пота до противности, выскользнула из лавки. У Савиной остекленели глаза. Силы были на исходе, но я продолжала суетиться, скорее уже по инерции. Впереди предстояла задача №2. Соседняя лавчонка казалась совсем убогой.

— Мадам, куртка, надо?

— Да, для "мадам" нужна куртка. Большая. Мужская.

— Плиз.

Тут же я движением фокусника вытащила метр и приложилась к раскинутым рукавам. Подобострастно глядя мне в глаза, вытащили ещё одну, самую большую.

— 400 рупий.

Которых конечно, у меня не было, но часы, отличные советские механические часы, вроде бы должны были компенсировать недостачу. Но индусу было мало. Он норовил залезть тощей рукой в чернеющею бездну моей сумки, но, я была на чеку. Или-или. Савина тонко взвыла, отклеившись от стула:

— Пойдём отсюда!

Мне стало стыдно и я, плюнув, сделала шаг к выходу.

— Мадам, вернись! — заорал он голосом ужаленного скорпионом.

Часов хватило, и с двумя тюками, с сумкой через плечо и злой, неудовлетворённой и тоскующей Савиной мы двинулись на другую сторону — ей нужна была сумка. Такая мелочь, мы буквально спотыкались об них, но её что-то не устраивало.

Наконец, я встала:

— Сейчас или никогда!

— Эй, ты! — сказала она обратившись к "копчённому" хозяину груды сумок, — сколько это? Он залепетал так часто и много, что мы ничего сначала не поняли. С трудом выяснили — 100 рупий, Савина вопросительно взглянула на меня — "непревзойденного мастера" купли — продажи.

— Много, Тань, дай ему 50 и 5 кусков мыла.

— Мыла жалко.

— Сигарет.

— Тоже жалко.

— Таня, отдай, что просит.

— Нет.

— !!!

Индус на 50 чистых рупий не клюнул, а Савина, решив сэкономить на пяти кусках мыла, осталась ни с чем. Нужно ж чувствовать текущий момент!

День казался бесконечным, солнце жарило с такой силой, что трудно было говорить. Но народ, наш могучий, бесстрашный, стремился попасть еще и на Тибетский базар. Подчиняясь желанию большинства, мы двинулись к базару. Только два часа!

Главное — не потеряться, главное — не забыть место стоянки автобуса, главное — не продешевить, главное — не потерять Савину!

Я уже ничего не понимала, куда иду и зачем. Савина брела, как сомнамбула, но Нинка бежала, как будто только что приняла бодрящий душ, и кричала, оборачиваясь на нас:

— Ну, что же вы? Подохли, что ли?

Каждый раз Нинка торговалась ожесточённо. Она обижалась, смеялась, кокетничала, выражала восторг и равнодушие почти одновременно. И всё напрасно, видно, не судьба была ей прикупить к новому пальто новую сумочку.

Длинные ряды всевозможных лавок, рядов так много, что несложно заблудиться. Продают всё! Товаров столько, что невозможно сосредоточиться: платья, сумки, аппаратура, обувь и т.д., и т.д. Уже вечер, и все лавки подсвечены разноцветными фонариками, как гирляндами, все красиво, броско, по-южному. Одна лавочка врезалась в память, потому что в ней я выменяла на два куска мыла бронзового божка у равнодушной ко всему китаянки.

Вдруг оборачиваюсь, и не вижу Савину (черт бы её побрал!) , наверняка на что-то засмотрелась, и теперь в этой толпе как я её найду! Увидела нашу переводчицу и попросила ее поискать тоже.

Вконец обессиленные, держась друг за друга потными руками, мы дошли до автобуса. Он был окружён плотной толпой детей, калек и нищенок.

Вперед! Прорвались!!!

Только у автобуса увидела Савину, та сумела на базаре прицепиться к двум нашим теткам, и теперь стала что-то бормотать о старике с длинной бородой, который сбил её с толка — ага, старик Хоттабыч, я не стала отвечать.

Как же страшно жестоко было услышать, что едем не в так нужный нам отель "Канишка", а на показ йоги и на концерт.

Первый раз в жизни мы увидели концертный зал, который совершенно не подходил для этой цели, но, как нам объяснили, это далеко не самый плохой. Духота неимоверная. Вышел йог, голый по пояс, мужик на вид лет 30-и, а на самом деле —

пятьдесят. Гнулся он здорово и, по началу мы пытались запоминать упражнения (так, на будущее), но здоровья не хватило..., притомились. И даже, когда он остановил сердце, а потом опять запустил, никто из нас сильно не удивился.

А когда начался концерт, песни и пляски, я стала дремать. Дёргалась во сне. Кое-что видела, кое-что нам объяснили, но впечатлений осталось мало — очень уж устали мы за этот безумный день.

Ужин прошёл молча, как во сне. Только успели помыться, как в номер ворвалась Нинка. У неё горе — забыла пояс у "Шегуна".

— Нин, это ерунда, тебе его принесут,- веско сказала я.

— Нужно только сказать переводчице.

Лучше бы я этого не говорила. Нинка сразу же потащила меня к ней. Я босая, мокрая и очень злая брела по длиннющему коридору гостиницы. Ее не было. Нинка совсем скисла. И тут, как в сказке, из-за угла появился наш новый знакомый — Леонид, чуть раньше представленный как работник МИД по туризму.

— Что случилось?

Нинка потеряла способность складно и понятно выражать мысли. Пришлось говорить мне:

— Вот, девушка пояс оставила...

— У "Шегуна" или "Хусейна"?

— У "Шегуна".

— Ну не расстраивайтесь, сейчас зайдём ко мне в номер и я всё запишу. Думаю, у вас всё уладиться.

Нинка от счастья совсем рехнулась, речь ее была бесконечна, а я злилась. Конечно, чёрт знает что: босая, мокрая, ночью (когда нужно спать), тащиться к какому-то Леониду по ее делам. Номер как у нас, но живёт один. Галантно предложил присесть.

— Чайку, кофейку?

— Мне кофе.

Нинка тоже попросила кофе — за компанию. Леня — само обаяние. "Ах, как ему скучно, как одиноко, как я, оказывается, похоже на его жену". Тут же и дельце мне нашлось — костюмчик примерить. Впору ли? Я, матерясь в душе, пошла в ванную с серым кожаным костюмом. Костюмчик хорош, я в нем неотразима. Очень захотелось выпить, нет — напиться, а уж потом появиться перед публикой.

— Очень хорошо, а здесь не жмёт, не узковато? Ах, даже наоборот. А вам нравиться?

— Берите, берите и думать нечего, — восторженно крикнула Нинка.

После демонстрации моделей стали пить кофе и слушать Лёню. Я "билась в лихорадке", пытаясь запомнить все его советы.

Но, когда Нинка решила осуществить грандиозный план — уломать его взять у "Шегуна" не только пояс, но ещё за дёшево и куртку своему приятелю, мне стало не по себе и за неё, и за него. Они сторговались за две бутылки шампанского. Утром, в 5 утра, уезжаем в Агру, а Нинку так и не сдвинуть из номера. Полвторого я встаю, извиняюсь, благодарю и тяну её к выходу. Лёня провожает, благодарит, приглашает сразу же после Агры к нему, и я чувствую, что искренне.

В номере Савина набрасывается на меня львицей и орёт, что "папуасы" пришли к ней в номер ночью. "Зачем-то". Я, как могу, успокаиваю, — кончилось-то всё хорошо — и засыпаю мёртвым сном.

Глава 5

Нет сил подняться, конечно, спала всего два часа. Нинка такая же, но бодриться. "Ерунда, отоспимся в автобусе". До Агры 5 часов, на автобусе, всё бы ничего, но нет кондиционера. Не приведи господь кому-либо испытать подобное в жизни! Как проехали половину пути, помню плохо — тело окутано влажной дрёмой и бутылка "колы" желаемого облегчения не принесла. Шофёр убежал платить за дорогу, а мы потопали на маленькую, крошечную экскурсию, а точнее — вымогательство.

Здесь все повязаны. Шофёр привозит нас в городок, где нас обирают обладатели слонов, питонов, медведей; владельцы платят шофёру, а он нашему гиду за то, что согласился остановить. И так везде. Хозяин лавки — гиду, гид — переводчице и старшему группы или деньгами, или ценным подарком. У них выработанная система и сбоев не даёт. На посещение лавки Хусейна — 30-40 минут и сразу же другая группа. Пока наша группа толчётся у магазина: вдруг из ниоткуда "очень нужная" экскурсия. Да, старшим быть тяжело, он к концу поездки просто уставал от подношений.

Возникало чувство, что кожа моя покрыта панцирем из пыли, пота, газов и испарений, и мысль о скором душе приводит в трепет. Но впереди ещё час изнуряющей жары и духоты.

Экскурсия. Ещё одна. Какая-то безвестная гробница и мы обязаны её посетить. Какая незадача (!) — "храмные" носки убраны в чемодан, который находится в багажнике автобуса. Что ж, придётся воспользоваться услугами оборванных индусов, промышляющих у гробницы. Ставлю ногу и тут же шустрит специальный оборванец: снимает босоножку и обувает меня в тряпки с верёвками, вроде наших портянок.

Гроб как гроб, они все одинаковы. Едем дальше. А вот и Агра — бывшая столица великой Индии. Ничего, кроме огромного величественного Красного форта, не напоминает о былом великолепии, узкие до удивления улочки, с трудом пропускающие двух встречных моторикш, пыльные деревья, страшная скученность лавчонок, домишек и людей. И очень-очень много грязи. Да, прав Леонид, говоря, что Дели — самый чистый город Индии. Всё познаётся в сравнении. Везут долго, через весь город в отель "Мумтад".

Маленький, уютный номер, а на столике фрукты в целлофане. Танька не выдержала- схватила банан и грязными руками сорвала грязную кожуру. Ужас! Как ей не страшно!

Я становлюсь чистоплюйкой, гигиенистикой и ещё чёрт знает

кем. Быстро, по-солдатски, но с большим тщанием: душ, чай, "ченж", кепка, фотоаппарат. Обед проходит в большом оживлении. Народ делится отнюдь не мечтой увидеть Тадж-Махал, — ченж, вот главная тема. Кто что взял и не даст ли в долг, если что... Едем по громыхающим улицам, — полным запахов тушёных овощей, сандаловых палочек и благовоний.

О Тадж-Махале прочитано было много, но, увидев его, я подумала, что всё же не таким я его представляла и слов для описания его мне не подобрать. 8-е чудо света! Перед входом обыскали, для нас эта процедура стала привычной и не оскорбляла, ну прямо как в проходной родного завода им. Ломоносова. Не буду вспоминать о красотах, не буду вспоминать о прилипчивых "купи-продай", скажу лишь, что они наглые здесь на удивление.

Два гроба: один большой, другой поменьше, осыпанные цветами, и служители, хватающие в темноте всех проходящих, чтоб положили деньги. С трудом вышли из душегубки. В меня вцепилась прокажённая полуотгнившими пальцами. Долго мне еще будут помниться ее "лепрозоидные" пальцы.

Паломники со всей Индии, а может и со всего мира. Их несут, ведут, сами с трудом переставляя ноги поднимаются вверх к святая святых Индии, великой усыпальнице великой любви.

Выбралась я в числе первых, пошла было к автобусу, но толпа закрутила меня и, оказавшись лицом к лицу с лавкой, ничего не оставалось делать, как зайти под навес. Счастливый торговец, не зная, что мне нужно, покидал на прилавок весь свой товар. Есть

что посмотреть! Шкатулки, пудреницы, слоны, обезьяны и много-много каменных мелочей, сработанных с большим вкусом и умением.

Пришлось купить, и ещё бы купила, да влетела Савина, забросала его своим "ченжевым товаром" и мне пришлось ретироваться.

Едем дальше по любимому маршруту, т.е. в лавки.

Там — кожа, и кто не купил, обязательно купит здесь — это последний город нашего маршрута в Индии, специализирующийся на выделке и шитье. Агра также последний город, где такое разнообразие и дешевизна камней. Когда вошли в очередную лавку, на пороге остолбенели от выставленных портретов Пугачёвой и Кикабидзе, но не на долго, дело — есть дело, группа разделилась надвое. Одни — к кожам, другие — к камням. Это нужно видеть: пирамиды мыла и одеколона, предметы, которым нет названия, сигареты и кипятильники, плёнки и фотоаппараты- всё полетело на прилавки — начался "ченж". Я металась от одной кучки камней к другой, и лихорадочно искала подарок другу. Обидней всего, что нравилось мне всё, и всё же ничего не нравилась настолько, чтоб я не могла не купить.

Бегала я долго и вдруг, именно вдруг, увидела то, что искала: тёмный камень с золотистыми вкраплениями — "Звезда Индии"! Беру.

— Сколько?

— О, мадам. Дорого... 500

— ...?!

— "Блэк стар", мадам.

— А, если: Шампанское, 2 бутылки.

— Покажи.

Обследовал бутылки со всех сторон и убрал под стол.

"Звезда Индии" моя! Тут же Савина рванула покупать такую же. Но у них, слава богу не конвейерное производство, и точно такую же ей купить не удалось. Долго ждали я и Валя Савину и Нинку, что они там делали непонятно, но сил и желания зайти снова уже не было. Назойливый мальчишка всучил мне веер из перьев павлина и, обмахиваясь ими, я просидела в автобусе с полчаса. Руки чесались достать из нагрудного кармана маленький бумажный пакетик со "Звездой Индии" и смотреть, смотреть...

Глава 6

Утро. Таможенный досмотр, паспортный контроль, бирочка на сумке, зелененький билет в курящий салон и я в кресле "Боинга" на пути в Мадрас. Обычные манипуляции: ремни, конфеты, джус, улыбки страшненьких стюардесс. В мадраском аэропорту появилась усталость: "Господи, когда же нас увезут к морю, на отдых?".

Что это? Не иначе, взрыв, еще один. Все ближе и ближе. Сразу появился представитель фирмы, чересчур взволнован.

Нет, сегодня нам не везет, больше остальных — нам с Нинкой, мы срочно вылетаем в Кочин. Значит, маршрут меняется: а еще это значит, что с Леонидом мы больше не увидимся, он то приедет именно в Мадрас. Может, это и к лучшему, что-то не хочется мне сложностей, их хватает и без него.

И все же, черт побрал бы этих демонстрантов! В это время уже скрипящая от после мытья, обпитая до неприличия чаем, вывалялась бы в кондиционированном номере.... вместо этого обыск, — здесь обыскивают даже (!) — бирка и опять самолет, обед. Все же как противно воняет эта самолетная пища! Полтора часа — ерунда после 23 часов, проведенных в самолете, и все же перед посадкой утомилась. Оказалось не Кочин, какой-то Хайдарабад.

Выглянула в иллюминатор и обалдела: до чего же красиво! Просто рекламный проспект. Море голубое, песок белый, пальмы зеленый и совсем желтые кокосы... Красота! Аэропорт Кочина (Хайдарабада) обнесен тремя рядами колючей проволоки, а за ней три ряда молчаливо стоящих людей. Неужто и здесь... Оказалось, они редко видят иностранцев, вот и пришли посмотреть. Аэропорт маленький, как и этот словно игрушечный автобус, что послан за нами, настолько древний, что, кажется, развалится по винтикам на первом же километре пути. Шустрые, сытые индусы затаскивают наши чемоданы на переднюю площадку автобуса, потом мы с трудом протискиваемся вглубь. По правой стороне — два сиденья, по левой — три. Я занимаю место у окна и, предвкушая удовольствие от близкого отдыха, моря и относительной свободы, закрываю глаза.

Впервые за длительное время переездов в автобусах дорога мне не показалась утомительной. Интересно-то было всегда, но было еще душно и сыро. А в этот раз, то ли от хорошего настроения, то ли от близости моря и небольшого ветра, было прохладно и удобно. Час до Аллеппи — деревушки (!) в 200 тысяч человек населения — приятная поездка! Здесь все радовало глаз:

домишки, чистые, опрятные, коровки — маленькие, гладкие беззаботно кушали травку у домов, козы — такие же белые, как будто их моют с мочалкой. И, конечно, запах моря, сетей и рыбы. Буйная, но ухоженная зелень, нависает над дорогой и чувствуется в этом другая Индия, такой мы еще не видели и подумать не могли, что может не быть нищих, калек, просящих милостыню, наглых "купи-продаев"... Чистые дети с никелированными коробками в руках бегут из школы, торговцы, весело улыбаясь, приглашают зайти в лавки. И каждый проходящий мимо нас поднимает руку со сжатым кулаком, своеобразно приветствуя нас.

Отель "Принц" совсем малюсенький, двухэтажный особнячок. На пороге вся немногочисленная прислуга с хозяином. Обязательная гирлянда из цветов и веточка жасмина.

Номер очень уютный, напоминает время испанской колонизации. Наконец-то появилось свободное время. Долгая процедура душа, казалось, вернула силы. Вид из окна, как заставка "Клуба кинопутешественников". Пальмы, фикусы, кактусы, небесно-голубой бассейн... Я принялась распаковывать чемодан, а заодно распечатала коробки с сухим пайком, который выдали по пути сюда, в автобусе. Котлетки-лилипутики, лук, огурцы, помидоры. И только я раскрыла рот, жаждущий пищи, раздался стук, и на пороге появилась целая делегация. Их возмущению не было предела.

— Засунули в какую-то дыру...

— Пропади пропадом эта Индия...

— До моря 2 километра...

— И ради этого я платила 850 рублей...

тоже есть. Пришлось вести себя дипломатично и не обидеть, и не вспугнуть, и одновременно не показать им своей неаристократичной "серости":

— Ну что же делать? Конечно, не Мадрас... Но все же лучше, чем сразу же отправиться в Бомбей, а потом домой... Зато море. И, если приглядеться, не так уж и плохо.

Савина молчала. Конечно, зачем раскрывать рот, у меня он Нет, не этого они ждали от меня! (Почему от меня?). Неудовлетворенные разошлись.

Сегодня экскурсия по Аллеппи. Деревней это поселение, видимо, называется потому, что нет больших административных зданий, промышленных предприятий. Лавки светлее и больше, чем в северной Индии, да и товары отличаются. Здесь преобладают украшения из ракушек, раковин, жемчуга. Хозяева не торгуются и не зазывают к себе. Но мы с любопытством заходим, примеряем, с тоской думая, что купить не на что.

Затем пошли храмы. Их очень много, как много различных

верований: католицизм, протестантство, христианство, мусульманство, индуизм и буддизм. Вечером, когда возвращались в отель, наблюдали толпы верующих, которые шли с молений.

Первое утро в Аллеппи было сказочным. Свежие, словно умытые, стоят деревья, листья. Неестественно красивые цветы, до неправдоподобности голубое небо! Сказка! И спешить некуда, до завтрака еще 40 минут. В номере прохладно и кажется, что сейчас на улице также.

В ресторане длинный стол, каждый выбирает место, на котором будет сидеть 6 дней. От меня по правую руку Савина, по левую та, что забыла советский паспорт в Ленинграде, а потом, оставила куртку с декларацией в кармане в Дели. Она — директор продовольственного магазина, закончившая в молодости педагогический институт, но педагогическое воспитание ничуть ее не "испортило". Гремучая смесь: тут тебе и современная литература с базарным хамством, тут же абсолютно правильная речь с пошлостью и цинизмом. Напротив меня веселая женщина в очках — она, инженер, озабоченная только покупками для своих детей. Завтрак прошел спокойно и , наконец, мы сейчас едем к морю. 2 км промелькнули быстро, и вот уже видна голубовато-белая полоска.

Быстро-быстро я раздеваюсь и бегу в волны. Теплее воды просто не бывает — ласковая, синяя и очень соленая — она настолько плотная, что я, никогда не умеющая лежать на воде, лежу, и ноги, против обыкновения, не тянут ко дну. Разве можно передать наслаждение, испытанное мной в море. Вылезать не хочется, но нужно обязательно занять шезлонг в тени. Да, здесь не развалишься на песочке, не погреешь белое северное тело — 10 минут и кожа становится пунцовой, а к вечеру она слезает, оставляя пятна лишайного цвета. Нет, 2-3 минуты и в тень.

Не хочется ни читать, ни думать, ни говорить. Смотрю на море, на волны, и не устаю наслаждаться их извечным движением, брызгами и тающей пеной.

30-40 зрителей-индусов неподвижно стоят на берегу, наблюдая невиданную ими доселе картину. Русские (белые) бесстрашно бросаются в огромную, по их понятиям, страшную волну и со счастливыми лицами уплывают все дальше от берега. Индийцу не понять нашей тяги к морю. Многие не умеют плавать и никогда не замачивали ноги выше щиколотки. Каждый индус, совершив 3-х разовое омовение в луже, что у дома, считает это полезнее, чем лезть в море, а еще хуже принимать душ с мылом. Мыло дорого, да и зачем. Достаточно побродить по колено в луже и вылить на себя кувшин воды — и гигиена соблюдена.

Наши тетки, разбившись на пары, сопровождаемые толками любопытных, бредут по берегу, выискивая ракушки и раковины. Жара стоит страшная, только близость моря спасает от перегрева.

Незаметно наступило время обеда, мимо меня два поваренка пронесли огромную рыбину. Рыба смутно напоминала что-то знакомое, но напрягать мозг было лень, и я переключилась на нашего неунывающего Сергея Васильевича, который, собрав толпу детей, учил их кричать "ура!". И небезуспешно.

Обедали мы в старом английском клубе, что стоит рядом с шезлонгами. Красное и черное дерево, портреты постоянных членов клуба, три открытые настежь двери с видом на море и дворик. Огромная рыба оказалась акулой, но это я узнала позже, уже после того, как проглотила первый кусок. Недурно!

И снова волны пена. Чувствую, что сгорело лицо, Савина, напоминает вареного рака. До ужина еще несколько часов, и нас везут в лавку. Уже привыкшие к особенностям индийской торговли, мы даже удивляемся, что, но здесь никто не понимает

значения слова "ченж", а так как денег у меня нет — тупо слоняюсь, разглядываю, оцениваю.

После ужина Нинка приглашает меня в импровизированный спортивный зал. Большой дом со сценой, настольным теннисом и бадминтоном. Это еще место ночлега молодых ребят, обслуживающих отель. Работают они за еду, одежду и 20-30 рупий в месяц. Очень довольны, что так хорошо устроились. Видимо, получив указание во всем угождать нам, сразу же освободили место у стола и сетки. Я сразу рванула за теннисный стол. Поиграла с одним, но он не соперник, еще одну партию с Савиной, но она больше выделывалась перед индусами, чем играла. Скучно. И тут появился еще один обитатель нашего отеля — "богатый" индус. Почему богатый — потому что толстый и со слугой. Подошел к теннисному столу и жестом предложил сыграть. Стало интересно. Сначала слегка волновалась, но взяла себя в руки и довольно легко выиграла. Было заметно, что ему это неприятно, но он улыбнулся и поблагодарил "за доставленное удовольствие". На том и разошлись.

По Аллеппи не погулять — слишком темно, фонарей нет. Что же делать , пойду в номер. Сразу же чаепитие: Нинка с Виктором, Валентина и мы с Савиной. Все обсудили, обо всем поговорили и разошлись, да так тихо и спокойно, будто мы и не в Индии у черта на куличиках, а у себя дома.

Сегодня экскурсия в Кочин. Ехать не хочется. Час по жаре на автобусе. Экскурсия по городку, где и посмотреть-то нечего, но : я как все, тем более, что все сильнее чувствую повышенное внимание старшего к моей персоне. Перед завтраком мы церемонно встречаемся в холле:

— Доброе утро!

— Как спалось?

— Как Вы себя чувствуете?

Тут и обязательные вопросы:

— Нет ли у Вас нескольких таблеток энтеросептола?

— Жаль.

— А Вам помог левомецитин?

И приглашение на завтрак.

По обеим сторонам нашего большущего стола еще 5-6 столиков на 2-4 человека. Краем глаза вижу, что за одним из них кто-то сидит; для индуса рано — они обычно появляются около 9 вечера. Наши опаздывают. Вдруг чувствую колебания воздуха и слышу голос:

— Здравствуйте. Вот я и нашел Вас.

Я проглотила язык. Леонид!

— Я здесь по делу. Давайте встретимся после вашего приезда

из Кочина.

— Я же не знаю, когда...

— Около 5 часов.

— Не знаю.

— Я Вас понимаю, да и сам не стремлюсь привлекать внимание. Давайте в 21-00 у входа в отель.

Он отошел, встретил в дверях нашего старшего и о чем-то коротко сказал, посмотрев на часы. Некоторое время я просидела в отупении, зажав в руке стакан с обязательным утренним соком. Видимо, внешне я выглядела почти нормально, что подошедшая Савина не обратила на меня никакого внимания. В моей голове рождались мысли одна гнуснее другой: "Черт его дернул приехать!", "А с чего я взяла, что ко мне, он же сказал по делу?", "На фига мне эти приключения!", "Что это за встречи в 9 вечера?". И так далее.

Всю дорогу до Кочина я сосредоточенно думала, пытаясь найти единственно верную линию поведения, так как поняла, что просто отшивать его мне не с руки, бог знает, кем он служит, и какие последствия меня ждут.

Первая экскурсия в Кочине — посещение католической церкви, где несколько веков назад захоронен Васко де Гама, который в 17 веке первым из европейцев открыл Кочин, высадившись на побережье. Спустя несколько лет он вновь посетил Индию, захватил Кочин и весь штат. Насильно насадил свою веру, разграбил немало городков и селений. Затем "благополучно" умер... До сих пор произнесенное вслух имя Васко де Гама вызывает на лицах индийцев, мягко говоря, нелюбовь.

У костела начался небольшой дождик, отголосок сезона дождей, и мы поспешили внутрь каменного, никогда не прогреваемого мешка. Могильная плита с именем завоевателя, приспущенные выцветшие, пыльные знамена, да ряды для прихожан.

Вторая экскурсия в еврейскую синагогу (в Индии, как и везде, много евреев). Синагога находилась в тупичке, вымощенным булыжником. Улочка была настолько узка, что приходилось плотно прижиматься друг к другу, опасаясь задеть склизкие стены. Службы не было, было тихо и уютно. Пол, ради которого нас сюда привели, выложенный фарфоровой плиткой с кобальтовым рисунком 2-х вековой давности, приятно холодил ноги. По пути к автобусу начался дождь, и народ кинулся в какой-то храм. Я, задержавшись, не успела за ними, да это и к лучшему, можно спокойно подумать о своих проблемах (Леонид). Опять эти вопросы: "Что? почему?". Нет, не могу я без приключений, а как они осложняют жизнь! Ничего не решила.

Дождь прекратился, и мы поехали дальше. Попутно посмотрели лов рыбы в заливе. "Пауки", сооруженные из бамбука, связанного веревками поднимали и опускали вручную. Усилия — видели, пойманной рыбы — нет.

Долго, бесконечно долго, пробирались на автобусе по улочке, примыкающей к складам порта. Дождь, очень влажно и тепло, в раскрытое окно волнами накатывает запах пряностей, лука и перца — их здесь мешки, огромные контейнеры. Ну и, конечно, лавки, в которых гораздо меньше камней и изделий из них, совсем нет кожи, зато много тканей, зонтов, тряпок и обуви. И еще украшений из ракушек и раковин. Глазели до помутнения в голове.

Очень хочется есть. Савина тоже хочет, но с места не двигается. Конечно, зачем ей дергаться, я то для чего-то нужна. Сломя голову бегу к лавчонкам с едой. Вот и одна из них. Чай, бетель, конфеты, резинка и орехи, разные-разные. Покупаю на последние рупии пакетик жареного арахиса и с наслаждением закидываю в рот горсть. Подходит "проситель"- тощий, закопченный, с чем-то зеленым, дымящимся в руке. Оказалось, хочет обменять свою сигарету на мою. Ну что ж, этого я еще не пробовала. Оказалось, сигарета скручена из листьев табака и содержит очень много никотина, курить нельзя, но на сувенир это взять можно.

Наконец собрались все. И только тронулись, как слева, из-за угла, вывернулась огромная толпа демонстрантов, требующих отмены закона, разрешающего строить винные магазины вблизи школ и храмов. Народ, оторвавшись от обсуждения цен и покупок, стал бурно обсуждать повод к демонстрации:

— Эх, если бы и у нас так. А то пропили Россию!

— Ну, уж и пропили!

И так далее...

Вернулись поздно, очень устали. Я дала себе слово, что больше в Кочин не поеду.

Ужин был необычно рано, видимо, оттого, что в 8 вечера "привальная". Тетки наглаживали наряды, немногочисленные мужчины, находясь в счастливом возбуждении, предвкушали изрядный глоток индийского виски. Меня по-прежнему колотила мелкая, неприятная дрожь. За ужином старший внимательно поглядывал на каждого из нас, как бы прикидывая, кто сколько выпьет. "Пить не стоит", — подумала я, — "и без того в черном списке". У Савиной нехорошо заблестели глаза. "Коктейль" состоялся на воздухе, у бассейна. Два столика, стойка с нашим полупьяным Толей-вертолетчиком. Обычное веселье группы малознакомых людей разного возраста. Время поджимало — без

3-х минут 9. "Все же нужно выпить чуть-чуть", — решила я, — "немного нужно расслабиться". Исчезла незаметно — кромешная темнота вязкой индийской ночи обволокла меня и скрыла от сидящих за столиками.

Леонид ждал меня у входа в отель.

— Добрый вечер. Я уж думал, что Вы не придете.

— Почему?

— Лицо у Вас было за завтраком... как бы сказать... недовольное.

"Ну, это ты загнул", "недовольное" лицо было испуганно ошарашенным. "Будто пыльным мешком из-за угла..." — подумала я. Я стояла, уставившись в темноту, сосредоточенно думая о том, что мало выпила. Если б больше, было бы проще. Леонид словно понял причину молчания:

— Пойдемте погуляем по деревушке, а потом сходим в ресторан?

— Нет, я не пойду — с нескрываемым страхом ответила я.

— Да не бойтесь, ваш старший в 23-00 обязательно будет в номере у себя. Ему же нужно проверить моральный облик советских туристов.

— А как же мой облик?

— С Вами будет все в порядке. Я ручаюсь.

— Ха-ха!

— И напрасно. Я работаю в посольстве, так что Вам нечего бояться.

Сказать было нечего, и тогда, для продолжения разговора, я спросила:

— Если не секрет, что у Вас за дело в деревне?

— Не секрет. Вы мне понравились, вот я и приехал посмотреть, действительно ли это так.

— ...

Нет слов.

Шли мы долго. Только редкие керосиновые лампы на лотках пробивались через непроглядный мрак ночи. Леонид много и легко рассказывал об Индии и туризме. Что кривить душой — он приятный, интересный рассказчик. Из меня же в тот вечер не вышло даже средненького собеседника, лишь внимательный и благодарный слушатель. Когда вернулись к отелю, было минут пятнадцать двенадцатого. Договорились встретиться через 20 минут в ресторане. Савина поджидала меня. Трезвая, недовольная и, конечно, требовала отчета. Соврала что-то незамысловатое: чем проще, тем лучше. И легче поверить.

— А сейчас пойду играть в теннис. Ты пойдешь?

— Что я с дров упала?

— Ну, как хочешь... Когда приду, не знаю.

— Ну-ну, — буркнула она.

Перед выходом решила зайти к Нинке — пожелать спокойной ночи, мол и я иду спать. Шельма я, а что делать. Правду может быть, и поймут, но не примут.

Вернулась только под утро.

Немного поспала, проснулась, а небо серое, кажется, вот-вот пойдет дождь. И, если не видеть зелени и беседки, покрытой листьями пальм, кажется, что я дома, в Ленинграде. Сегодня экскурсия "По рекам и каналам Аллеппи".

Когда нечего показывать, показывают то, что есть. Скоренько позавтракали, и на стоянку катеров. Дождя нет, и небо, кажется, очистилось. Эх, сейчас бы к морю! Но... катер подан — ну просто "чудо техники", то ли 20-го, а может 19-го века. Ветхая ржавая машина с дребезжащим и брызгающим маслом и паром двигателем — удивляюсь, что осталась жива. Себастьян — наш гид, оскалив огромные белые клыки, что-то утомительно рассказывал переводчице. Она, полуприкрыв глаза, качая головой как китайский болванчик, нам. Никто не слушает. Ее выдержке поражена вся группа. Пошел дождь.

В этой экскурсии было все, что "пожелает" советский турист: кокосы на острове, где разводят рыбу, рисовые поля в изобилии, дождь и грязь тропического леса. Плантации какао сменялись кокосовыми. На деревьях висели судки с обедом, а людей не видно, правда, было чувство, что за тобой наблюдают...

Высадились на берег. Я шла первой по жидкой грязи — уже было наплевать на белые носочки и отглаженные брюки. Что-то рядом прошуршало... Змея! С детства боюсь и ненавижу их. Ну вот... и в Индии, наконец-то я увидела, да не ручную тварь, а самую настоящую. Хотя мне поверили далеко не все.

Рубашки сырые, ноги грязные — группа материлась сквозь зубы. Правда, были и удачи. Вдруг выяснилось, что под ногами валяются "ничейные" кокосы. Быстро наполнялись сумки, и не только кокосами, народ прихватывал и какао. Что за беда, что неспелые! Ведь не есть же, дома никаких не видели, пусть хоть посмотрят.

Себастьян развлекал нас речной прогулкой до обеда.

Не знала я, что обед этот мог стать последним обедом в моей жизни. А все ведь начиналось как всегда. С той лишь разницей, что Савина устала от рек и каналов Аллеппи и решила остаться дома. Может, она бы меня удержала?

Мы ехали на пляж. Настроение хорошее, солнце не жаркое... Подъезжая увидели неспокойное море — штормит. Сильная половина тут же показала свое благоразумие и отказалась купаться. Тетки же, раздевшись, весело пошлёпали по набегавшей пенке. Толпы зевак, как всегда улыбались, глядя на нас. Я смотрела на большую волну, на ухмыляющихся индусов... И что-то сдвинулось во мне, щелкнуло и заклинило: "Буду!". И пошла. Подбадривая, двинулся рядом и Виктор. Толпа замерла. Бесшабашной весёлостью я отвлекала себя от невесёлых мыслей. Вид огромных волн пугал! Свело сначала одну ступню, потом другую. Как будто организм предупреждал меня: "Не ходи!". Почему я думала, что со мной ничего не случится? Откуда взялась такая уверенность? Кроме туповатого — "потому, что со мной ничего случиться не должно", ответа не было. Боком, боком, всё дальше продвигалась я. И песок уходил из под ног с такой силой, как, если бы выдергивали из под ног ковровую дорожку. И кроме мысли: "Скорее бы зайти глубже", — не было ни одной. Когда вода дошла до пояса, и я увидела действительные размеры волн — пришлось подныривать. Раз, другой... А на третий не удалось вынырнуть вовремя — меня накрыла следующая. Удушье подтолкнуло вверх, и я, захлёбываясь пеной, все же глотнула воздуха. До сих пор перед глазами та волна, что стояла отвесно и копила силы для удара — огромная, совсем черная у основания от поднятого со дна песка, и белая, пенная на гребешке. От мысли, что обрушится на меня, остановилось сердце и впервые пронеслось в сознании: "Я утону". Одиночество, обреченность — все это где-то присутствовало, но не осознанно. Думать, рассуждать, проклинать и корить себя я не могла. "Спасите!",

скорее всего не было криком, было шёпотом среди грохота волн, и, конечно, услышано быть не могло. Я не боролась, лишь пыталась, по возможности, смягчить удары, закрывала голову, а волна с чудовищной силой катала меня по дну, выбрасывала меня на поверхность, ломала и била как в наказание за самоуверенность.

Не знаю сколько это продолжалось... Не помню, как выбралась на берег, не понимаю как осталась жива. Остановившимися глазами я смотрела в даль, пытаясь прийти в себя.

— Вы бы сходили в душ, — посоветовала переводчица.

Группа разбрелась, и я, стараясь не замечать осуждающие взгляды, пошла в душ, села на пол и долго рыдала под струями воды. Все время точила мысль: "Вот так люди и тонут, вот так люди и умирают",- как будто это что-то меняет.

После душа, встретившись с Виктором, мы посидели, помолчали, все еще находясь "там". Он испуган не меньше меня. И если бы раньше во мне поднялась бы гордость: "Я смогла",- то в этот раз кроме ненависти к себе и страха, ничего не было.

Увы, не помню почему, но в тот день, уходя с пляжа, не надела тапки. Должно быть, эта деталь несказанно радовала старшего, подтверждая народную мудрость "не зная брода — не лезь в воду". Я чувствовала себя отверженной. По пути в отель одна неуемная девчушка восторженно завизжала, призывая народ посетить индуистский храм. Перебирая босыми ногами, засеменила и я. Народ, который ничему не удивлялся, не удивился и в этот раз. Подумаешь храм, подумаешь лестница. Ну и что, что большая, бывает и больше! Бывает-то бывает...

Не всем удалось подняться и все же увидеть храм, ради которого карабкались, некоторые так и остались у подножья, часть очень слабых сломалась на середине, якобы заинтересовавшись лавкой с безделушками, часть пройдошистых поднялась на два пролёта, и очень заинтересованная отсутствием слонов и обилием лавок, любезно пропустила нас вперёд. На вершину в храм добрались немногие. Что двигало ими? Что вообще двигало нами, что тянуло в эту Индию? Одни открыто проклинали день получения путёвки, Савина, Нинка и Валька были довольны, правда, не вполне. Я — не поняла.

Не хотелось уезжать из Аллеппи, здесь было спокойно и не хлопотно. Но, положенные 6 дней отдыха истекли, и впереди нас ждал Бомбей. Улыбающийся репортер запечатлен нас всех в холле и всё — прощай Аллеппи.

С нами уезжали двое американцев в шортах. Они приехали посмотреть Индию "дикарями" и были абсолютно свободны в

выборе пути. На их искреннее удивление ("Вы — русские!") народ разливался сладким сиропом, и все сидели счастливо замирая в душе от того, что мы такие из себя, что нас можно с кем-то спутать.

А я всё смотрела в окно, вдыхая напоследок запах моря и рыбы. Солнце щадило, и проклинать дорогу до Кочина не пришлось.

Глава 7

В Кочине рейс наш объявили сразу. Полтора часа, и мы в уютном аэропорте Бомбея. Удивили пепельницы, наполненные стеклянным песком.

Бомбей! Бомбей — это город контрастов, сразу вспоминаешь это, стоит переступить порог аэропорта. Не успели мы выкурить по сигарете, как подбежавший представитель фирмы через переводчика извинился перед нами и объявил, что маршрут меняется, и мы на день раньше вылетаем в Союз. Честно говоря, я расстроилась. Ведь это значит, что за один день мы должны посмотреть то, что намечено на два. Опять же "ченж", что с ним делать? Везти домой? Настроя не было, без торговли отдала за сувениры. Остатки бумажных рупий решила поменять на железные — на память, скорее всего я уже всё это никогда не увижу.

Великолепные "богатые" памятники, и тут же высушенные на солнце, как будто прокопченные нищие на ступеньках! Рядом с отелем, подтверждая представление о городе контрастов, в жутком ободранном шалаше-коробке поживало целое семейство: днем — старики лежали на земле, чумазые детишки рылись в мусоре, вечером все собрались у костра и готовили что-то невообразимое даже по запаху.

Последняя экскурсия на остров Элефант. Нас погрузили на небольшой пароходик и где-то час качали по волнам до острова. Жара непереносимая! Какое счастье, что мы с Савиной готовились и вчера накипятили пластиковую бутылку чая. (Эту бутылку, ну конечно же пустую я потом привезла домой — как удобно брать её, а не стеклянную куда-то в дорогу!). Народ нам явно завидовал. Наконец-то доплыли. Перед нами гигантская лестница, по которой оказывается нам, предстоит подняться. Группа заблажила: "Мы не пойдем, здоровье дороже, такая жара...". Но в дело вступил старшой, и кого убеждением, а кого и угрозами, можно сказать заставил совершить этот "подвиг". И это уже не в первый раз! Ничего интересного не запомнилось, если бы не смешной случай: на ступеньках лестницы тут и там восседали нищие, и как обычно с мольбой смотрели в глаза, выпрашивали подаяние. Одна нищенка привлекла моё внимание, почему-то её было особенно жалко. Да, пожалуй, самое запоминающееся даже не это, а то, что этот остров по праву можно было назвать островом обезьян. Ни где еще в Индии я не видела такого количества обезьян — они были повсюду на деревьях, вблизи лестницы, а самые наглые выбегали прямо на

неё. Так вот, когда я протянула этой нищенке пачку вафель, то откуда-то сверху прыгнула обезьяна, и тоже ухватилась за пачку. Борьба была недолгой, с воплями и визгами, обезьяна была повержена, и нищенка спрятала пачку в свои лохмотья.

Вечером мы собирали чемоданы и готовились к встрече с Родиной. Было немного грустно. Мы с Савиной почти не разговаривали. Утром нас повезли в аэропорт, почему-то казалось, что время остановилось, все, как бы, заторопились домой. Таможенный и паспортный контроль индусы провели быстро, чемоданы не досматривали, а только проверяли каким-то прибором на отсутствие взрывчатки. В самолете в основном все спали, "индийские" эмоции уже были исчерпаны, а "советские" были еще впереди. Наша таможня в отличие от индийской отличалась повышенной бдительностью — приборов у нее не было, но чемоданы перетрясли всем, как будто ждали врагов народа или контрабандистов. Мы с Савиной особенно боялись за наши кокосы, но бог миловал, молодой таможенник лишь посоветовал нам их "проглотить", но уточнять не стал, с усмешкой посмотрел на советский утюг, который вместе со мной побывал в Индии (он был записан в декларации), и мы были отпущены. Не всем из группы повезло так.

Родина встретила дождем и прохладой. Индия осталась лишь прекрасным, можно сказать нереальным мигом — было ли это или нет?

1987-2005 г.г.

Дополнения и корректура — Юрий Кузнецов (kir60@yandex.ru)

Над путевыми заметками работали: Татьяна Савина, Татьяна Батюшева.